

В. П. ВОЛГИН

Монтескье

Идея ограничения королевской власти, несмотря на пример Англии, несмотря на распространение английской политической литературы, находит лишь слабые отклики во Франции первых трех десятилетий XVIII в. Четкой и последовательной защиты конституционной теории у писателей этого периода нет. На этих первых этапах своего развития конституционная теория причудливо сплетается с теорией просвещенного абсолютизма. Мы уже указывали на пример Вольтера, восхвалявшего и просвещенную монархию, и английскую свободу.

Для буржуазных оппозиционных кругов XVIII в. авторитетнейшим политическим мыслителем был, несомненно, Монтескье. Буржуазная конституционная мысль Франции считает его своим родоначальником; и действительно, его «Дух законов» сыграл большую роль в распространении и популяризации во Франции умеренных конституционных идей.

Шарль Луи де Секонда, барон де ля Бред и де Монтескье (1689–1755) принадлежал к богатой и влиятельной семье юга Франции, к старой парламентской аристократии. Двадцати семи лет от роду он получил уже пост президента парламента в Бордо¹. Через десять лет он сложил с себя эти обязанности и три года провел в путешествиях по Италии, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Голландии и Англии. Еще будучи президентом парламента, Монтескье отдавал свой досуг научным занятиям. Его интересы были очень широки: он занимался и физикой, и нравственной философией, и историей. В путешествиях он ревностно собирал материал, характеризующий общественную и политическую жизнь современных ему государств. По возвращении на родину

он жил то в замке Бред, возле Бордо, то в Париже. Не пренебрегая ни хозяйством, ни удовольствиями светской жизни, Монтескье не прерывал и своей научной и литературной работы.

Литературное наследство Монтескье весьма разнообразно. В 1721 г. он издал «Персидские письма» — произведение, в котором смелые и острые сатирические выпады против общественных нравов, церкви и государства его времени чередуются с картинами жизни «испаганского гарема» и с фантастическими рассказами то нравоучительного, то весьма легкомысленного характера. Вслед за «Персидскими письмами» в 20-х годах появились легкомысленный “*Tempe de gnide*” («Храм Афродиты») и “*Le Voyage a Paphos*” («Путешествие на Пафос»). Через семь лет после «Пафоса» вышла в свет историческая работа Монтескье «О причинах величия и падения римлян». Наконец, в 1748 г. был напечатан основной труд Монтескье «Дух законов», представляющий собой как бы свод накопленного им в течение многих лет научного материала и итог его исторических и политических размышлений.

Из произведений Монтескье, вышедших до «Духа законов», наибольший интерес для истории социальных и политических идей представляют «Персидские письма». Политические воззрения Монтескье, как они выражены в «Персидских письмах», не отличаются определенностью. Отдельные его замечания по историческим вопросам зачастую не согласованы одно с другим, что лишь формально и далеко не всегда может быть оправдано принадлежностью писем различным авторам. В наиболее общей форме Монтескье ставит проблему общества и государства в письмах, содержащих рассказ о троглодитах*.

На примере истории этого утопического народа Монтескье показывает невозможность совместного существования людей, совершенно лишенных социальных добродетелей, начал справедливости и правосудия. Такой народ неизбежно гибнет в результате раздирающих его противоречий, личных страстей и эгоистических побуждений. Так гибнут «злые» троглодиты, которым Монтескье противопоставляет общину троглодитов добродетельных, чуждых эгоизма и духа собственности, тесно связанных друг с другом узами общественной солидарности. Добродетельные троглодиты не знают государственной власти и не нуждаются в ней: обще-

* См.: Montesquieu, Ch. L. *Lettres persanes*. — Paris, 1954. Письма XI–XIV.

ственный порядок обеспечивается в их стране не законами, а общественными добродетелями граждан. Общественная жизнь, говорит Монтескье, соответствует природе человека. Человек является существом, общественным с самого своего рождения. Основной причиной установления у троглодитов царской власти является упадок их общественных добродетелей, зарождение в их душах тщеславия и корыстолюбия*. Эта анархическая утопия стоит особняком среди политических рассуждений Монтескье, разбросанных в «Персидских письмах». В истории троглодитов развиты до самых крайних логических пределов два положения: признание социальной морали более существенным условием благосостояния народов, чем политические учреждения; признание свободы высшим благом человеческого существования. Но крайности в социально-политических вопросах не соответствовали умонастроению Монтескье. Обычно он чрезвычайно сдержан и умерен в своих политических суждениях. Несомненно, в «Персидских письмах» есть весьма грубые выпады против французских королей.

Монтескье явно издевается над «гениальностью» Людовика XIV, который любит победы, но боится хороших генералов во главе своих войск, который выше ценит того, кто подает ему салфетку, чем того, кто одерживает победы, который назначает министрами 18-летних юношей. Он осуждает легкомыслие и произвол финансовой политики французских монархов, считающих, что они могут превратить миллион экю в два миллиона, убедив своих подданных в том, что один экю стоит двух. На фоне всего сказанного в других письмах помещенное в письме СII восхваление французских королей, «всегданосящих с собою милость», подобных солнцу, «всюду дающих тепло и жизнь», — восхваление, очевидно, имеющее в виду цензуру, звучит почти как новое издевательство.

Однако при всей резкости насмешек Монтескье он никогда не затрагивает основных принципов монархии. Он выступает не против монархии, в которой видит правление одного, основанное на законах, но против деспотизма, основанного на произволе. По его мнению, большая часть современных ему государств — монархии лишь по призванию, по существу же это деспотизм. Недостаток монархии Монтескье видит в ее неустойчивости: она

* Montesquieu. Lettres persanes. Письмо XIV.

быстро перерастает либо в деспотизм, либо в республику. Эта неустойчивость монархического образа правления объясняется тем, что он держится, по теории Монтескье, на равновесии между государем и народом. Это равновесие трудно сохранять; власть всегда увеличивается на одной стороне и уменьшается на другой. Так как в руках государя войско, то преимущество обычно бывает на его стороне, что и ведет к превращению монархий в деспотии. С этой точки зрения Монтескье рассматривает и борьбу между королевской властью и парламентами. В парламентах он видит учреждения, представляющие нужды народа, доводящие до монарха «стенания и слезы, которые им доверены». Он с грустью констатирует, что влияние парламентов все более умалывается, что они отступают перед подавляющим авторитетом королевской власти. В них он видит подлинную основу всякой законной власти и выражает надежду, что их сила еще к ним вернется.

Монтескье с явным одобрением отмечает особенности политических порядков Англии. Не все народы Европы, говорит он, одинаково подчиняются своим государям: англичане не дают королю возможности упрочить свою власть и стать деспотом. Они считают, что отношения людей друг к другу определяются тем добром, которое они друг для друга делают, и если государь вместо того, чтобы делать своим подданным добро, их угнетает, то у подданных нет больше основания повиноваться ему. «Они возвращаются к своей естественной свободе». «Неограниченная» власть, по их мнению, не может быть законной. Со столь же явным сочувствием рассказывает Монтескье о том, как древние греки, вдохновляемые любовью к свободе, поднялись против тягостной тирании своих государей и установили у себя республиканский образ правления.

Трудно сказать, отдает ли Монтескье предпочтение в «Персидских письмах» монархии, основанной на законах, или монархии, ограниченной народным представительством, или, наконец, республике. Одно во всяком случае ясно: «Персидские письма» пропитаны резко враждебным отношением к деспотизму. Основным критерием, с которым Монтескье подходит к оценке политических отношений, служит понятие «свободы». «Прекрасная свобода», говорит Монтескье, согласна с разумом, человечностью и природой. Исходя из этого несколько неопределенного понятия, Монтескье отказывается считать «варварами» те народы, которые завоевали и раздробили на части Римскую империю: они не были

настоящими варварами потому, что были свободны, но впали в варварство с тех пор, как подчинились абсолютной власти.

Отношение Монтескье к христианской религии и к ее основным догматам равнодушно-скептическое. В одном из «писем», изъятом цензурой из второго издания, Монтескье позволяет себе слегка иронизировать, прикрываясь наивностью и невежеством персиянина, даже над такими основными догматами христианской религии, как троичность божества и пресуществление. Но это — исключение; острие сатиры Монтескье направлено не столько против существа христианского учения, сколько против пороков Церковной практики: против накопления папами мирских богатств, против индульгенций, против жестокости инквизиции, против лицемерного и корыстолюбивого духовенства. Папу он называет старым идолом, которому кадят по привычке, и издевается над «устаревшими» претензиями папы быть непогрешимым авторитетом для всего христианского мира. Верным признаком истинно религиозного человека служит, по мнению Монтескье, «соблюдение общественных правил и человеческих обязанностей», добрые дела, любовь к людям, а не выполнение обрядов, смысл которых непонятен и выбор которых из громадного числа обрядов, установленных двумя тысячами религий, весьма затруднителен.

Монтескье не раз касается в «Письмах» проблемы веротерпимости, подходя к ней преимущественно с точки зрения государственного интереса. Наличие в стране многих религий выгодно для государства. Соперничество между религиями ведет к строгому соблюдению их членами полезных для общества правил, к воздержанию от поступков, которые бесчестили бы данную религию. Граждане, не принадлежащие к господствующей церкви, обычно проявляют большее трудолюбие и мастерство в своих делах, так как им недоступны иные почести и они могут возвыситься лишь этим способом. Судя по последнему замечанию, Монтескье, защищая веротерпимость, все же не предполагает полного равенства в правах религиозных меньшинств с господствующей церковью. Монтескье несомненно осуждает гонения на гугенотов² и янсенистов³, хотя прямо об этом и не говорит. Его рассказ о проекте изгнания из Персии армян, что лишило бы Персию всех ее торговцев и почти всех ремесленников, явным образом имеет в виду не столько Персию, сколько Францию. При чтении этого рассказа французские современники не могли не вспомнить о событиях,

имевших место в их родной стране: об отмене Нантского эдикта⁴ и о последовавшей массовой эмиграции гугенотов.

«Дух законов» — это громадное собрание афоризмов, иногда очень тонких и остроумных, зачастую противоречивых. Афоризмы сгруппированы по книгам, разбитым на большое количество глав; некоторые главы являются самостоятельными небольшими этюдами, другие — состоят из одного предложения. Тематика глав исключительно разнообразна: рядом с главами, посвященными большим и важным проблемам теории государства, мы находим в книге такие, как глава о покаянии, о подбрасывании детей, о совершеннолети франкских королей, о естественной стыдливости и т. п. Связь между главами не всегда можно уловить; в некоторых случаях автор, приводя тот или иной пример для пояснения своей мысли, увлекается историческим или техническим сюжетом и дает длинейший экскурс, не имеющий уже никакого отношения к основной мысли (вроде экскурса о кораблестроении и о греческой торговле в книге двадцать первой). В общем материал книги, несмотря на обилие подразделений, классифицирован весьма нечетко. Монтескье менее всего обладал даром систематического мышления. Неудивительно, что исследователи Монтескье приходили к самым различным выводам по вопросу о том, в чем следует видеть главную идею «Духа законов». Вероятнее всего, что такой объединяющей идеи просто не существует.

В предисловии к «Духу законов» Монтескье заявляет, что он видит свою задачу не в критике существующих у разных народностей разнообразных порядков, а в их объяснении. При всей пестроте социальных установлений их возникновение не вызвано ни произволом, ни случайностью. Все движения мира совершаются по неизменным законам. «Законы, — говорит Монтескье, — суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». История любого народа является как бы частным случаем применения общих начал. Задача исследователя состоит в том, чтобы открыть эти общие начала, которым сами собой подчиняются все частные случаи*.

Идея всеобщей закономерности, которой подчинены как явления природы, так и явления общественной жизни, сформули-

* Montesquieu, Ch. L. Oeuvres completes. — Paris, 1876. — Т. III. — P. 83, 89.

рована Монтескье с исключительной для XVIII века четкостью. По своему замыслу — открыть общие законы социальной жизни — Монтескье, несомненно, опережает свое время. Однако такое понимание закона как неизменно установленного отношения он не в состоянии провести последовательно. Под влиянием господствующей естественно-правовой теории Монтескье придает социальному закону значение не только необходимого отношения, но и нормы естественного права. Люди, говорит он, сами создают себе законы, но у них есть также такие законы, которые не ими созданы. Это — законы природы, предшествующие установлению положительных законов. И в качестве примера Монтескье приводит «отношения справедливости, существовавшие раньше, чем санкционировавшие их законы»*. Совершенно ясно, что здесь отношения, неизменно и необходимо устанавливающиеся между людьми в силу природы вещей, приобретают характер моральных норм общежития, характер отношений, которые *должны* существовать в общежитии. Различия между этими двумя пониманиями «закона природы» Монтескье не видит и употребляет этот термин в дальнейшем то в одном, то в другом его значении.

«Законы природы», управляющие обществом, вытекают из устройства человеческого существа, утверждает далее Монтескье в полном согласии с теоретиками естественного права. «Устройство человеческого существа» — это как будто только конкретизация в применении к обществу ранее данной формулы «природы вещей». Но это новое положение существенно изменяет методологическую установку. Под человеческим существом Монтескье, как и другие его современники, понимает не общественного человека, каким его знает история, а человека внеисторического, абстрактного, каким он был предположительно до образования общества. А отсюда следует вывод, что для открытия общественных законов надо изучать «естественное состояние», а не исторические факты**. Открытые таким образом общие начала должны быть затем приложены к частным случаям. Признав необходимым такой путь исследования, Монтескье сам, однако, на этот путь не вступает, обращаясь к изучению исторического материала. Естественное состояние занимает очень мало места в его труде. Естественно-правовая дедукция мало соответствовала научным

* Ibid. — P. 91.

** Ibid. — P. 94.

вкусам Монтескье. При этом в самом понимании естественного состояния мы находим у него некоторую непоследовательность. С одной стороны, в естественном состоянии он видит отправной пункт для исследования общественных законов, как бы первоисточник норм общественной жизни; с другой стороны, он полагает, что в естественном состоянии жизнь и благополучие человека не обеспечены и что именно эта необеспеченность делает необходимым образование общества. В центре его интереса — конкретная история человеческих обществ. Но пути естественно-правовой доктрины, несомненно, немало помешали ему в осуществлении его основного намерения — раскрытия социальной закономерности.

Выходя из естественного состояния, люди отказываются от своей естественной независимости, чтобы жить под властью государственных законов; они отказываются от естественной общности, чтобы жить под властью гражданских законов, т. е. частной собственности*. Законы же творятся разумом. «Закон, говоря вообще, есть разум человеческий», поскольку он управляет народами земли. Законы каждого народа должны быть частными случаями применения этого разума. Но условия существования и характеры народов разнообразны. Отсюда разнообразие законов и форм правления. Лишь изредка законы одного народа могут быть пригодны для другого**. Это положение о необходимом разнообразии законов является одним из основных положений теории Монтескье. Признавая общие предпосылки теории естественного права, он отрицает возможность построения на их основе универсальной системы «естественных законов». В каждом отдельном случае, утверждает Монтескье, наиболее естественными будут те законы, которые соответствуют характеру данного народа. Законы нельзя оценивать, исходя только из общих принципов; при такой оценке должны быть приняты во внимание также частные обстоятельства.

Отказ от абсолютных критериев, внимание к обстановке, в которой возникают те или иные законы и формы правления, признание закономерности существования различных государственных форм и их зависимости от условий существования и народного характера — все эти черты теории Монтескье были

* Ibid. — Т. V. — P. 219.

** Ibid. — Т. III. — P. 99–100.

плодотворны в научном отношении, толкая мысль к изучению исторической конкретности во всем ее живом многообразии. Но в теоретической позиции Монтескье есть слабое место. Формы правления, государственные установления, законы изображаются им как явления, закономерно расположенные в пространстве. Это, так сказать, географическая закономерность. Закономерности их смены во времени Монтескье не устанавливает. Конечно, Монтескье знает и отмечает исторические смены государственных форм. На основании опыта античных республик он говорит о превращении республик в деспотии, под влиянием впечатлений современности он указывает на опасность перерождения монархий в деспотии. «Реки бегут смешаться с морем, монархии стремятся раствориться в деспотизме». Но эти переходы — результат разложения основной формы. Никаких перспектив дальнейшего развития они не открывают. Диалектики исторического процесса Монтескье не понимает. Каждая государственная форма мыслится им как некая индивидуальность, закономерно в определенных условиях возникающая и закономерно в определенных условиях погибающая. Мысль о том, что эти формы связаны друг с другом как явления, соответствующие последовательным стадиям развития человеческого общества, Монтескье совершенно чужда.

Среди факторов, определяющих характер народов, а следовательно, и их законы, Монтескье выдвигает на первый план факторы физические: климат, устройство поверхности земли, почву. Как ни наивны иногда представления Монтескье о влиянии этих факторов, самая идея связи социальных явлений с материальной, географической средой была в его время передовой идеей не только по отношению к теологическому мировоззрению, но и по отношению к рационалистическим концепциям, выводившим социальное бытие из *a priori*⁵ данных «естественных свойств» человека.

Климату Монтескье придает особенно большое значение. «Если справедливо, — говорит он, — что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров». Холодный климат порождает крепких и мужественных людей, жаркий климат — расслабленных и мало-

душных^{*}. Не надо удивляться, что малодушие южных народов почти всегда приводило их к рабству, а мужество северных народов всегда удерживало их в свободном состоянии. «Рабство политическое... не меньше гражданского и домашнего зависит от природы климата». Климатом обусловлены рабство женщины, многоженство, деспотизм в одних странах, в других — свобода, единобрачие, республика. С климатом связаны и религиозные представления: религия, не соответствующая климату страны, не может в ней удержаться. Климат вызывает в различных странах различные потребности, различия в потребностях обуславливают различия в образе жизни, а различия в образе жизни — различия в законах. Власть климата, заявляет Монтескье, сильнее всех властей^{**}. Иногда создается впечатление, что климат является для Монтескье основным, всеопределяющим фактором. Этому противоречит, однако, ряд мест, где Монтескье ставит климат в один ряд с другими факторами и оговаривает ограниченность его влияния.

Устройство поверхности земли определяет размеры государств, и с их размерами необходимо связана и определенная форма государства. Республика пригодна для небольших территорий, монархия — для средних, деспотия — для обширных. Обширные равнины Азии являются предпосылкой для создания больших государств, следовательно, государств деспотических. Если бы деспотизм не господствовал в азиатских государствах, то они неизбежно распались бы на более мелкие единицы, а это было бы несовместимо с естественным разделением страны. В Европе, наоборот, естественное разделение территории ведет к образованию средних государств, следовательно, монархий, основанных на законе; европейское государство, лишенное такого правления, приходит в упадок^{***}.

Не меньшее значение имеет почва. В странах с почвой, подходящей для земледелия, естественно устанавливается дух зависимости. Народы, не возделывающие земли, пользуются большей свободой. Поселяне, обрабатывающие землю, слишком, поглощены своей работой и потому менее ревнивы к своей свободе. Плодородные долины к тому же труднее защищать, а

* Ibid. — Т. IV. — Р. 145, 146–147.

** Ibid. — Т. IV. — Р. 209–210, 223–224 etc., 239, 456–457.

*** Ibid. — Т. III. — Р. 332; Т. IV. Р. 249–250.

после того как они покорены, сломленный дух свободы не может вернуться. У горных народов меньше объектов вожделения и защищать эти объекты легче. Поэтому в менее плодородной Аттике было народное правление, в более плодородном Лакедемоне — аристократическое. И в Афинах горцы стояли за демократию, жители равнин — за знать. Бесплодие почвы заставляет людей заниматься промыслами, делает их воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне. Им приходится бороться за удовлетворение своих потребностей, а для этого они нуждаются в свободе. Таковы народы Севера. Наоборот, народы Юга легко получают все от природы; имея возможность обходиться без богатств, они обходятся и без свободы*.

Анализ природных факторов приводит Монтескье к проблеме производства и его влияния на характер народа и правление. Почва воздействует на социальную жизнь лишь в той мере, в какой с ней связан тот или иной вид труда, направленного на удовлетворение человеческих потребностей. Зависимость, несвобода характерна для обществ земледельческих, свобода — для промышленных. Этот ряд мыслей приводит Монтескье к замечательной формулировке: «Законы находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых различные народы добывают себе средства к существованию»**. Но Монтескье не понимает всего значения высказанной им здесь мысли. Она не получает в «Духе законов» дальнейшего развития, остается гениальной догадкой, весьма мало влияющей на ход рассуждений автора.

Дух народа определяется не только природными факторами. После того как у народа создались известные социальные нормы, они в свою очередь являются силами, воздействующими на его дух.

«Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, и — как результат этого — образуется дух народа». Природные факторы имеют наибольшее значение на ранних ступенях развития общества. Природа и климат властвуют над дикарями. В дальнейшем выдвигаются на первое место факторы социальные, причем у отдельных народов они играют различную по значению

* Ibid. — Т. IV. — P. 253–255, 259.

** Ibid. — P. 264.

роль. Так, в Китае господствуют обычаи, в Японии — законы, в Лакедемоне — нравы, в Риме — правила правления и традиции старины*. Но какой бы фактор ни был главенствующим, между ними должна существовать известная гармония. Нравы, обычаи, религия, законы, формы правления тесно связаны с климатом. Нравы, обычаи, религия, законы непосредственно взаимосвязаны друг с другом. Так, деспотизм предполагает рабство женщины, монархия, основанная на законах, — ее свободу. Так, деспотизму соответствует магометанство, монархии — христианство.

Социологические взгляды Монтескье не лишены оригинальных черт. Для их обоснования им привлечен большой конкретный материал. Но не надо забывать, что теория влияния географических условий на общественную жизнь и на государство — теория, восходящая своими корнями еще к Гиппократу (IV в. до н. э.), — была в XVI в. четко сформулирована Боденом⁶ в его «Государстве», конечно, хорошо известном Монтескье. Все, что Монтескье говорит о влиянии на характер народов климата, почвы и устройства поверхности земли, представляет собой лишь развитие положений, выдвинутых Боденом. У Бодена заимствовал Монтескье даже некоторые детали. Таковы его рассуждения о характере горцев и жителей долин, о связи между природными условиями, производством и умственным и нравственным развитием народов.

Теория многообразия политических форм и взаимозависимости факторов, образующих народный дух, приводит к весьма важному практическому выводу о роли законодателя. Когда Солон⁷ спросили, рассказывает Монтескье, дал ли он афинянам лучшие из всех законов, Солон ответил: «Я дал им лучшие из тех, какие они могли вынести». В этом рассказе четко выражено отношение Монтескье к возможностям законодательства и его пределам.

Монтескье не чуждо вытекающее из естественно-правовой теории представление о законодательстве как о какой-то независимой силе, действующей на основе общих принципов. Он допускает даже возможность конфликта между этими общими принципами и факторами, определяющими характер народа. Так, в известных случаях законодатель во имя общих принци-

* Ibid. — P. 307.

пов, опираясь на моральные факторы, может бороться даже с влиянием климата, поощряя, например, людей к земледелию*. Но это — исключение. Основным руководящим правилом для законодателя является возможное приспособление к народному духу. Надо помнить, что в теории Монтескье нет смены низших общественных форм высшими. Задача законодателя тем самым сводится к частным исправлениям в пределах, данных определенной установившейся системой социальных и политических отношений и духом народа как ее основой. Даже к исправлениям, когда они могут затронуть какую-либо из сторон народного характера, Монтескье рекомендует относиться с большой осторожностью. «Не все следует исправлять» — таково название одной из глав «Духа законов»**.

Если трудно говорить о единой руководящей идее «Духа законов», то есть все основания говорить о проникающем все его части политическом настроении. Это настроение можно назвать, в подражание Монтескье, духом компромисса. Склонность к компромиссу во что бы то ни стало, к компромиссу с любыми существующими социальными и политическими формами, как бы плохи ни были эти формы с точки зрения признаваемых теоретически «общих принципов», — характерная черта Монтескье. Монтескье следует признать величайшим представителем — быть может, единственным действительно крупным представителем — теории политического компромисса. «Благо политическое, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами», — говорит Монтескье. «Люди всегда почти лучше уживаются с серединой, чем с крайностями». Поэтому умеренность всегда должна быть духом законодателя. Монтескье утверждает, что доказательству этого положения посвящена в сущности вся его книга. И с этим утверждением нельзя не согласиться***.

Любопытнейшим образчиком принципиальной, если можно так выразиться, компромиссности рассуждений Монтескье является книга «Духа законов», посвященная рабству. Монтескье сразу же заявляет, что рабство «дурно по самой своей природе». Но рабство существует. И законы должны поэтому стремиться

* Ibid. — Т. IV. — P. 155–156.

** Ibid. — Т. V. — P. 310 (XIX, VI): “Quil ne faut pas tout corriger”.

*** Ibid. — P. 379.

вовсе не к тому, чтобы его тем или иным способом ликвидировать. Нет, задача законодателя по отношению к рабству двойка: он должен стараться, с одной стороны, очистить рабство от злоупотреблений, с другой стороны, обеспечить общество от связанных с рабством опасностей. Монтескье не сомневается в том, что возможно «очищенное», упорядоченное рабство. Надо лишь его соответственным образом нормировать. И Монтескье начинает серьезно обсуждать частные вопросы такого нормирования. В результате он приходит к выводам, поражающим своей бессодержательностью, вроде указания на то, что в государствах с умеренным правлением важно не иметь *слишком большого* количества рабов. Готовность Монтескье идти на любое приспособление к существующему злу поистине безгранична. Резкие перемены ненавистны ему больше, чем само зло. Этот принципиальный противник рабства считает нужным предупредить, что «большое количество освобождений» опасно, их не следует делать одновременно и в силу общего закона*.

Рассуждения о духе народа, об определяющих его факторах, о разнообразии социальных и политических форм образуют теоретическую основу для вывода о необходимости приспособления законодателя к установившимся у данного народа отношениям. Это положение составляет, с другой стороны, не высказываемую, но все время подразумеваемую предпосылку исследования отдельных политических форм. Анализируя эти формы, Монтескье лишь в виде исключения дает им оценку с точки зрения общих принципов. Его внимание привлекает не вопрос о том, какая из этих форм лучше, а вопрос о том, как, принимая определенную форму за данную, достичь в ее пределах наилучших результатов. Именно поэтому в колоссальном материале, собранном в книге Монтескье, легко найти аргументы в защиту весьма различных политических систем: демократической республики, ограниченной монархии английского типа, абсолютизма, опирающегося на привилегированные сословия.

Монтескье различает три основные формы правления: республику, монархию и деспотию. Республиканское правление может быть демократическим, — если правит народ; аристократиче-

* Ibid. — Т. IV. — P. 174, 190, 193, 204.

ским, — если правят немногие. Отличительная черта монархии состоит в том, что в ней правит одно лицо, но *посредством установленных неизменных законов*. Наконец, деспотия — это правление, в котором все движется волей и произволом одного лица вне *всяких законов и правил**.

Не подложит никакому сомнению отрицательное отношение Монтескье к деспотизму, хотя в ряде случаев, в согласии со своей общей установкой, он указывает и для деспотического правления наиболее целесообразные частные мероприятия. «Единственным движущим принципом в деспотии является страх. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. Самая большая опасность для монархии или республики — ее превращение в деспотию». «Когда дикари Луизианы хотят сорвать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление». Деспотизм тем более страшен, что его устойчивость и его разрушительная сила очень велики: против деспотизма не устоят никакие нравы и климаты**.

Гораздо сложнее отношение Монтескье к республике и монархии. И ту и другую форму, в противопоставление деспотии, он именует иногда «умеренными правлениями», что, как мы знаем, является в его устах оценкой положительной. И в той, и в другой форме он находит ряд черт, которые заслуживают, по его мнению, одобрения. Переход от республики к монархии и наоборот, с его точки зрения, не представляет опасности для государства.

Материал для характеристики республиканского правления Монтескье черпает почти исключительно из античной истории. Из двух разновидностей республики он явно предпочитает республику демократическую, или народное правление. Надо, однако, при этом иметь в виду, что «демократия» Монтескье, как и демократия его античных образцов, понятие весьма относительное. Подлинной демократии Монтескье боится. «Даже при народном правлении, — говорит он, — власть не должна находиться в руках низшего слоя населения»***. Но, с другой стороны, аристократия ведет к злой тирании. Она устанавливает самые пагубные различия между гражданами. Аристократия

* Ibid. — Т. III. — Р. 101.

** Ibid. — Р. 136, 197, 313.

*** Ibid. — Т. IV. — Р. 204.

тем лучше, чем больше она приближается к демократии. Чтобы создать противовес ее пагубным последствиям, необходимо тем или иным способом привлечь к делу управления «народ». Впрочем, и в аристократии, по мнению Монтескье, возможно такое же счастье, как в демократии, если в ней неравенство смягчается духом умеренности*.

Каждая форма правления имеет свой движущий принцип. Принципом народного правления является политическая добродетель — любовь к законам и отечеству, готовность жертвовать собой в его интересах. Без такого высокого двигателя народное правление не может существовать. Условием существования политического равенства является равенство имущественное. «Любовь к демократии есть любовь к равенству». Поэтому в демократиях необходимы уравнительные законы. Монтескье сочувственно говорит о законах, регламентирующих в духе равенства дарения и наследования. В качестве примера мероприятий, вполне соответствующих духу республиканского правления, он указывает на законы Ликурга⁸, на «Государство» Платона, на деятельность иезуитов в Парагвае**. Но в то же время он высказывается решительно, как и следовало ожидать, против мер, насильственно и сразу уравнивающих имущества: против конфискаций, аграрных законов и т. п. Такие меры, по Монтескье, причиняют бесчисленные бедствия. Недопустима в республике роскошь частных лиц, ибо она развивает частные интересы в ущерб общественным. В демократиях роскошь уместна лишь в общественной жизни, в частной — должна царить умеренность. Утрата духа равенства приводит к разложению принципа демократии. Но и здесь, как и везде у Монтескье, политическое благо лежит между двумя пределами. Равенство, доведенное до крайности, также уничтожает демократию, приводя неизбежно к деспотизму одного***.

Исходя из опыта классической древности, Монтескье утверждает, что республиканская форма правления возможна лишь в государствах небольшого размера. «Республика по своей при-

* Ibid. — Т. III. — Р. 113, 182.

** Ibid. — Т. III. — Р. 153–157, 166. Представление об иезуитском государстве в Парагвае как государстве коммунистическом было весьма широко распространено в XVIII в.

*** Ibid. — Р. 301.

роде требует небольшой территории, иначе она не удержится». Но Монтескье изучал не только античность; он хорошо знал и высоко ценил строй современных ему республик — Швейцарии и Нидерландов. Он нашел в их организации средство противодействия «природной» слабости, присущей республике. Это средство — федеративное устройство. «Люди в конце концов были бы вынуждены жить всегда под властью одного, — говорит Монтескье, — если бы они не изобрели известного строя, который со всеми *внутренними достоинствами* республиканского правления совмещает *внешнюю силу* монархического. Я имею в виду республику федеративную» *.

Симпатии Монтескье к умеренно-демократической республике бесспорны. Но это — симпатии платонические. Республика может существовать лишь там, где господствуют «героические добродетели древних». Таких добродетелей нельзя и требовать от современных людей. Следовательно, республика для них невозможна. И мысль Монтескье в поисках возможного политического блага покидает области героического прошлого, чтобы найти и это возможное благо в политической действительности настоящего.

Симпатии Монтескье к умеренно-демократической республике бесспорны. Но это — симпатии платонические. Республика может существовать лишь там, где господствуют «героические добродетели древних». Таких добродетелей нельзя и требовать от современных людей. Следовательно, республика для них невозможна. И мысль Монтескье в поисках возможного политического блага покидает области героического прошлого, чтобы найти и это возможное благо в политической действительности настоящего.

В настоящем, в государствах современной Монтескье Европы, господствующей политической формой является монархия. Политические добродетели не случайно так редки в этих монархических государствах. В монархии трудно народу быть добродетельным, говорит Монтескье. Добродетели нет даже в непосредственном окружении монарха; трудно представить, чтобы низшие были честны там, где бесчестны высшие. Для монархии характерно, что она совершает великие дела с возможно меньшим участием добродетели. Утверждение и сохранение монархического правления не требует большого запаса честности. Основным двигателем является в монархии не добродетель, но честь (в особом ее пони-

* Ibid. — P. 337–339.

мании). Опираясь на эту силу, государство может существовать независимо от любви к отечеству, независимо от любви к истинной славе. Под честью Монтескье разумеет «предрассудки каждого лица и каждого положения» — предрассудки, связанные с чинами, родовитостью дворянства и т. п. «С философской точки зрения, — подчеркивает он, — эта честь, двигающая (в монархиях) всеми частями государственного тела, есть *ложная честь*»^{*}.

В моральном отношении монархия стоит в иерархии Монтескье, несомненно, ниже республики. Некоторые главы в «Духе законов», посвященные монархии, написаны почти в сатирических тонах, напоминающих «Персидские письма». Такова, например, характеристика придворных нравов: «Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, неисполнение всех своих обязательств, презрение к долгу гражданина, страх, внушаемый добродетелью государя, надежда, возложенная на его пороки, и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью, — вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмеченные всюду и во все времена»^{**}. Монтескье не закрывает глаза на пороки монархического порядка. Он считает, что во Франции монархия разлагается, перерождаясь в деспотию, что эта опасность вообще угрожает монархии. И отвращение к деспотизму — при общих тенденциях Монтескье к компромиссу с существующим — служит для него оправданием известной идеализации тех черт монархического строя, которые придают, по его мнению, монархии ее специфический характер, которые охраняют монархию от превращения в деспотию. В действительности эта идеализация имеет, конечно, более глубокие социальные корни.

По определению Монтескье, признаком, отличающим монархии от деспотий, является управление посредством неизменных основных законов, исключающих возможность произвола. Это подчинение государя основным законам предполагает существование постоянных «посредствующих каналов, по которым движется власть», или иначе — «посредствующих властей»^{***}. Если таких властей не существует, если в государстве действует лишь капризная воля одного, в нем не может быть ничего устойчивого,

* Ibid. — P. 131, 132.

** Ibid. — P. 129.

*** Ibid. — P. 114.

следовательно, никаких основных законов. Наиболее естественной из посредствующих властей Монтескье считает власть дворянства. Дворянство теснейшим образом связано с монархией. «Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха. Но есть деспот»*. Второй посредствующей властью является власть духовенства, имеющая особенное значение в монархиях, склоняющихся к деспотизму. Таким образом, теория посредствующих властей обосновывает у Монтескье необходимость в монархии привилегий господствующих сословий феодального общества. Дворянство и духовенство представляются ему противовесом возможному деспотизму. Отмена или ослабление сословных привилегий служит всегда симптомом разложения монархии. С этой точки зрения политическая практика последних французских королей представляется Монтескье пагубной для монархических устоев. «Монархия погибает, говорит он, — когда государь, относя все единственно к себе, сводит государство к своей столице, столицу к своему двору, а свой двор — к своей особе»**. Читателям Монтескье нетрудно было догадаться, что в этом замечании имеется в виду «великолепное царствование» Людовика XIV.

Существование посредствующих властей, однако, не вполне обеспечивает прочность монархического правления. Сословные привилегии составляют преграду для произвола. Они создают нужную почву для развития чести, предполагающей существование преимуществ и различий. Но привилегированные сословия не могут быть силой, охраняющей законы. Знати свойственно невежество, презрение к гражданской власти. Поэтому для охраны законов в монархическом государстве должны существовать особые политические коллегии, обнародующие законы и напоминающие о законах, уже существующих. Эти коллегии должны быть несменяемыми и действовать непрерывно. Это — не исполнители мгновенных проявлений воли государя, но блюстители основных законов. Ясно, что Монтескье имеет в виду систему парламентов и защищает самое широкое толкование их полномочий***. В связи с этой защитой роли парламента как организации, в известной мере независимой от воли монарха, становится понятным одно положение Монтескье, до сих пор смущающее некоторых исследо-

* Ibid. — P. 115.

** Ibid. — P. 309–310.

*** Ibid. — P. 117.

вателей. Монтескье доказывает, что в монархии полезна практика продажи и наследственности должностей. Эта практика придает отправлению государственных функций более устойчивый и постоянный характер, делает их более свободными от воздействия «мгновенных проявлений воли». Все рассуждения Монтескье проникнуты органическим недоверием к монарху, способному ежеминутно превратиться в деспота. При продаже должностей воля монарха корректируется случайностью. Но бояться ее не следует: случай, говорит Монтескье, доставит лучших покупателей, чем выбор государя*. Концепция монархии Монтескье весьма близка к идеям аристократической оппозиции XVII и начала XVIII в. Она отражает, несомненно, аристократические и парламентские традиции той среды, к которой Монтескье принадлежал по своему происхождению и воспитанию. В отрывке о парламенте он довольно точно воспроизводит аргументацию, весьма распространенную в парламентских кругах первой половины XVIII в., — аргументацию, нашедшую свое выражение в ряде исходивших из этих кругов документов. Парламентские традиции сказываются также весьма ярко в исторических взглядах Монтескье. Монтескье совершенно не согласен с историческим построением Дюбо⁹ и д'Аржансона¹⁰. Романтической теории возникновения королевской власти из власти римских императоров Монтескье противопоставляет теорию германского ее происхождения: первые короли — простые военные вожди франков. Они нуждались в войнах и компенсировали их землями, отнятыми у покоренных. Сеньориальные права — вознаграждение за освобождение сервов и за уступленные им земли, которые раньше принадлежали знати. Таким образом, в системе феодализма нет узурпации. Наоборот, по мнению Монтескье, узурпацией скорее следует считать рост королевской юстиции, поскольку в феодальные времена законным могло быть лишь то, что устанавливалось по соглашению между королем и его вассалами. Оправдывает Монтескье исторически — наряду с сеньориальной юстицией — также и налоговые привилегии дворянства: завоеватели-франки, естественно, должны были быть свободны от налогов.

Но было бы ошибочно думать, что монархия представляется Монтескье политической формой, единственно возможной и наиболее желательной в больших государствах современной ему

* Ibid. — P. 217.

Европы. Если республика для этого поклонника приспособления к существующему — прекрасная утопия, то монархия, даже обставленная всеми гарантиями против деспотизма, — лишь один из мыслимых видов компромисса с действительностью. Монтескье знает лучшую форму политического строя, пригодную для современных народов. Пригодность ее доказана тем, что она уже осуществлена, но мнению Монтескье, в одной из соседних с Францией стран — в Англии. Эту форму Монтескье называет республикой, скрывающейся под обликом монархии.

Рассуждения об Англии и английском строе составляют лишь очень небольшую часть сложной по построению и громоздкой книги Монтескье. Эта часть написана под несомненным влиянием английских политических мыслителей — и особенно под влиянием торийского теоретика Болингброка¹¹. Но вряд ли подлежит сомнению, что именно этим рассуждениям обязан «Дух законов» своей популярностью в предреволюционную эпоху и в первый период революции.

Для уяснения государственного строя Англии Монтескье вводит новое понятие — понятие специфической цели государства. Такая специфическая цель каждого государства, очевидно, связана с характером народа и образующими его факторами. Это вытекает из всей совокупности представлений Монтескье об общественных отношениях. Но Монтескье на этом вопросе специально не останавливается. Он приводит лишь ряд примеров: целью Рима было увеличение пределов государства, целью Лакедемона — война, Китая — общественное спокойствие и т. д. Непосредственной целью государственного устройства Англии является политическая свобода*.

Политическая свобода отнюдь не означает возможности делать все, что хочется. В обществе, где имеются законы, свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы каждый гражданин мог делать то, что законами запрещено, то свободы у него не было бы, так как то же самое могли бы делать и другие граждане. Политическая свобода возможна лишь там, где нет нарушающих ее злоупотреблений властью. А чтобы не было возможности злоупотреблять властью, «необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли сдерживать друг друга»**.

* Ibid. — Т. IV. — Р. 6.

** Ibid. — Р. 4, 5.

В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Если власть законодательная и власть исполнительная соединены, то свободы не будет, так как обладающее этими властями лицо или учреждение сможет издавать тиранические законы, чтобы так же тиранически их применять. Точно так же не будет свободы, если одна из этих властей соединена с судебной. Когда судья является в то же время законодателем, это ведет к произволу; когда судья является исполнителем, то может легко стать угнетателем. Если все три власти соединены в одном лице, то все погибло: такое соединение составляет характерную черту деспотизма*.

В свободном государстве каждый человек должен управлять собою сам. Но это невозможно в больших странах и неудобно в малых. Поэтому система прямого законодательства народа заменяется системой законодательства представителей. Так как люди лучше знают интересы своего города, чем интересы других городов, то выборы представителей наиболее целесообразно производить не от всего населения страны, а от каждого города в отдельности. Представители должны иметь от избирателей только одну общую инструкцию, а не испрашивать от них инструкции по каждому вопросу. Монтескье знает, что в некоторых странах выборы производятся по сословиям (Голландия), но явно предпочитает общесословные выборы по округам. Право подавать голос в своем округе, говорит Монтескье, должно принадлежать всем гражданам. Но мы уже знаем относительность демократизма Монтескье: за этим утверждением тотчас же следует оговорка: «... исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю». Что это за категория бесправных, Монтескье точно не определяет. Собрание представителей отнюдь не должно руководить исполнительной властью. Оно образуется лишь для того, чтобы издавать законы и наблюдать за их исполнением**.

Народное представительство, изображаемое Монтескье, это — английская палата общин. Но Монтескье считает также совершенно необходимым существование палаты лордов. Дворянство, «благородные», если исходить из предпосылок Монтескье, как будто не должны иметь в «свободном государстве» того значения,

* Ibid. — P. 7–8.

** Ibid. — P. 11–13.

какое они имеют в чистой монархии. Однако из той сочувственной характеристики, которую Монтескье дает палате лордов, явствует, что какими-либо интересами «благородных» он вообще не склонен жертвовать. И здесь, как и во всех других случаях, он является последовательным сторонником компромисса. Он одобряет английскую двухпалатную систему, как разумное согласование «народных интересов с привилегиями благородных», которые, по его мнению, обеспечены наличием верхней палаты.

Во всяком государстве, рассуждает Монтескье, есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей. Если бы они пользовались лишь тем же голосом, что и остальные, свобода превратилась бы для них в рабство, так как большая часть решений была бы направлена против них. Их прерогативы сами по себе ненавистны и в свободном государстве должны находиться в постоянной опасности. Во избежание уничтожения этих прерогатив Монтескье и считает нужным, чтобы «благородные» обладали известными преимуществами в издании законов. Из них следует составить особое собрание, имеющее право отменять решения народного представительства. Это собрание должно быть наследственным по самому существу своих задач. В изъятие из общего правила оно должно обладать в известных случаях судебной властью. Люди знатные всегда возбуждают к себе зависть. Они должны быть судимы, во избежание несправедливости суда, судьями, равными себе. Это требование может быть осуществлено, если «благородных» будет судить не обыкновенный суд, а та часть законодательного собрания, которая составлена из «благородных»*.

Исполнительная власть должна быть сосредоточена в руках одного лица — монарха. Она должна действовать быстро, а это всегда лучше исполняется одним, чем многими. Монтескье высказывается против системы, при которой исполнительная власть вручается известному числу лиц, принадлежащих к составу законодательного собрания, т. е. против системы ответственного парламентского правительства. Это было бы, с его точки зрения, вредным соединением исполнительной власти с законодательной. Исполнительная власть должна обладать правом отмены решений власти законодательной (право вето), так как иначе законодательная власть может предоставить себе любые права и уничтожить

* Ibid. — P. 13–15, 18.

все другие власти. Исполнительная власть созывает и распускает законодательное собрание; если бы законодательное собрание само себя распускало, то оно, замыслив захватить в свои руки власть исполнительную, могло бы вовсе себя не распустить. Здесь Монтескье имеет в виду, очевидно, опыт Долгого парламента и стремится (вслед за английскими политическими мыслителями) обосновать английскую практику необходимостью предупредить повторения такого случая в будущем*.

Законодательная власть не должна иметь права вмешиваться в действия власти исполнительной и их приостанавливать. Монтескье старается уверить читателя, вопреки очевидности, что исполнительную власть незачем ограничивать, ибо «границы действий исполнительной власти заключаются в ее собственной природе». Законодательное собрание может лишь проверять, как исполняются созданные им законы. Но если даже при такой проверке оно придет к отрицательному выводу по отношению к исполнительной власти, — оно не вправе судить монарха за действия исполнительной власти. Личность монарха священна, она охраняет государство от тирании собрания, и свобода погибла бы, если бы собрание стало судить монарха. Судить и наказывать собрание должно в таких случаях министров, подающих монарху дурные советы. Но судебное преследование — исключительная мера воздействия на исполнительную власть. В распоряжении законодательного собрания есть другие средства влияния на нее. Это — ежегодно вотируемые постановления о налогах и о военных силах. Для сохранения свободы необходимо, чтобы такие постановления никогда не издавались более чем на год**.

Судебная власть не должна передаваться в руки постоянно действующего органа. Она должна принадлежать лицам из народа, привлекаемым по установленному законом порядку. Для отправления судебных функций. В случае важных обвинений преступник должен иметь право избрания или хотя бы отвода своих судей. Судьи должны быть людьми одного положения с обвиняемым, чтобы он не считал, что его судьи склонны его притеснять. Судебной власти Монтескье уделяет меньше внимания,

* Ibid. — P. 15–16.

** Ibid. — P. 17, 20–21.

чем законодательной и исполнительной: в известном смысле, говорит он, это как бы совсем не власть*.

Учение о разделении властей завершается у Монтескье положением об их равновесии. Власти взаимно сдерживают друг друга: исполнительная — своим правом вето, законодательная — своим правом разрешать налоги и определять контингент армии и своим контролем. Предоставленные самим себе, три власти должны были бы в результате прийти в состояние покоя и бездействия, но это не тревожит Монтескье. Жизнь своим движением заставит их двигаться**. А так как они при данном их соотношении не могут двигаться друг против друга, то они будут двигаться в согласии друг с другом.

Монтескье дает, конечно, не точное, стилизованное изображение английской конституции XVIII в., притом стилизованное в реакционно-тори́йском духе. В то время, когда он писал «Дух законов», английский король вовсе не был таким неограниченным руководителем исполнительной власти, каким он изображен у Монтескье; исполнительная власть — кабинет — вовсе не была независимой от законодательной власти — парламента. Но не надо забывать, что в плане Монтескье глава, носящая название «Государственные законы Англии», имела целью не столько точное описание английских политических порядков, сколько выяснение того соотношения политических сил, которое самому Монтескье представлялось в наибольшей степени обеспечивающим гражданам политическую свободу и вытекающие из нее блага. Английская конституция была известна Монтескье и по личным наблюдениям, и по работам английских писателей, также стилизовавших ее соответственно своим политическим симпатиям. Из всех существовавших в его время конституций английская в наибольшей мере отвечала его собственным политическим настроениям. Ее изображение было для него весьма удобным способом пропаганды. Но, пользуясь этим способом, он считал себя вправе дать изображаемому объекту свое толкование, осветить одни и оставить в тени другие его части. Не случайно основные положения этой главы даны Монтескье не в форме

* Ibid. — P. 14.

** Ibid. — P. 20.

рассказа о том, что есть в Англии, а в форме выяснения того, что должно быть в свободном государстве*.

Строй, существующий в Англии, ведет, по мнению Монтескье, к ряду политических, моральных и социальных последствий. Для того, чтобы пользоваться свободой, и для того, чтобы ее сохранять, необходимо, чтобы каждый гражданин мог говорить то, что думает. Поэтому в Англии существует свобода слова и свобода печати. «В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди; важно лишь, чтобы они рассуждали, так как от этого происходит свобода, обеспечивающая от дурных последствий этих рассуждений». Политическая свобода предполагает, что каждый гражданин руководствуется своей собственной волей и своим собственным разумом. Отсюда вытекает с неизбежностью религиозная свобода. Часть граждан проникается равнодушием к религии; другая часть в своем религиозном рвении создает множество сект. Англичане относились бы нетерпимо лишь к той религии, которую пытались бы у них водворить при помощи рабства (имеется в виду, конечно, католицизм, связанный в Англии с феодальными порядками). Свобода не уничтожает сословных делений; но она сближает людей различных сословий; люди знатные в этой стране ближе к народу, чем в других странах. Людей в свободном государстве ценят не за их внешние свойства, а за их действительные качества. А такими Монтескье признает — и это следует подчеркнуть — только два: *личное достоинство и богатство***.

Особого внимания заслуживает та связь, которую Монтескье устанавливает между политической свободой и хозяйственным развитием Англии. Наличие такой связи отнюдь не означает, что система хозяйства всецело зависит от политического строя. Монтескье предупреждает против такого толкования его мысли. Другой фактор, климат, остается и в данном случае фактором основным. Но свобода, несомненно, *способствует* развитию промышленности и торговли. Свобода, при островном положении Англии, обеспечивает ей мир и довольство; мир и довольство освобождают народ от предрассудков и направляют его ум к тор-

* La puissance exécutive doit être... — Montesquieu, Ch. L. Oeuvres complètes. — Т. IV. — P.15; le corps représentant ne doit pas être... — Ibid. — P. 13; le corps des nobles doit être... — Ibid. — P. 14.

** Montesquieu, Ch. L. Oeuvres complètes. — Т. IV. — P. 346, 351–353.

гово-промышленной деятельности. Наличие естественного сырья ведет к созданию промышленных заведений, использующих этот дар природы и производящих изделия высокой ценности. В стране создается множество излишних для нее товаров, и народ, нуждаясь и сам в большом количестве товаров, которые он не может производить по условиям климата, неизбежно развивает большую торговлю*.

Торговле Монтескье придает большее значение, чем промышленности. В его время, когда капитал выступал преимущественно в форме торгового капитала, это предпочтение вполне понятно. Монтескье знает, конечно, как осуждали торговлю античные авторитеты. Платон жаловался, вспоминает он, что торговля развращает чистые нравы. Монтескье соглашается, что развиваемая торговлей расчетливость противоположна высокой добродетели, учащей людей поступаться собственными интересами в пользу других. Но в реальной действительности торговле предшествуют не чистые, а варварские нравы, разбойничество, и торговля очищает и смягчает эти варварские нравы**. Если нравы сделались менее свирепы, то это — результат торговли. Везде, где есть торговля, нравы кротки. «Единственное действие торговли — склонять людей к миру». Торговля развивает чувство строгой справедливости, дух воздержания и бережливости. Торговля исправляет нас от пагубных предрассудков. Торговля создает богатства, но богатство, возникающее в торговле, по мнению Монтескье, не представляет такой социальной опасности, как богатство земельное. Торговля ведет к роскоши, а роскошь к усовершенствованию искусства. И наоборот, разрушение торговли всегда ведет к вредным для народа последствиям. Монтескье не высказывается в пользу полной, свободы торговли, он оправдывает известную ее регламентацию. Но он — решительный противник торговых привилегий и монополий, ведущих неизбежно к хозяйственному упадку, противник «разрушающей торговлю» откупной системы***. В общем, если исключить некоторые оговорки частного характера, рассуждения Монтескье о торговле представляют собой ее подлинную морально-политическую реабилитацию.

* Ibid. — P. 347–348.

** Ibid. — P. 361–362.

*** Ibid. — P. 388, 402.

Очень характерны замечания Монтескье о религии. По существу, он относится к религии глубоко безразлично. Она имеет для него значение лишь как известный, полезный или вредный, социальный фактор, стоящий в одном ряду с политикой и торговлей. Он, несомненно, сам принадлежит к числу тех равнодушных, которые, по его словам, именно в силу своего равнодушия примыкают к господствующему вероисповеданию. Не стоит и опасно вводить религиозные новшества, но к религиям, уже существующим в государстве, необходимо, по его мнению, относиться с полной терпимостью. Монтескье откровенно заявляет, что для него более важно воздействие религии на нравы, чем вопрос о том, истинна она или нет. «Самые священные догматы вредны, если они не связаны с общественными началами, самые ложные полезны, если они с последними в согласии»*. Даже вопрос о существовании бога Монтескье трактует с точки зрения его социального значения. Монтескье не интересуется философскими доказательствами бытия божия. Но он твердо знает, как и Вольтер, что существование бога нужно для социального порядка. «Вера в существование бога, — заявляет он, — весьма *полезна*»**.

Социальный генезис и социальный смысл политической теории Монтескье достаточно ясны. Монтескье — несомненный сторонник буржуазных свобод. Провозгласив идеи религиозной терпимости, свободы слова и свободы печати, ограниченного народного представительства, Монтескье сформулировал основные положения буржуазного правопорядка. Восхваление исторической роли торговли и идеализация промышленного развития Англии составляют дополнительные черты, характеризующие буржуазные социальные симпатии Монтескье. Его отношение к религии весьма близко к утилитаристской трактовке проблемы, трактовке, характерной для буржуазных настроений XVIII в.

Но теория Монтескье, как мы уже не раз указывали, есть теория компромисса. Тенденция к компромиссу с существующим порядком проходит красной нитью через весь труд Монтескье. Не случайно в качестве примера наиболее целесообразной политической организации он берет английскую конституцию, сложив-

* Ibid. — Т. V. — P. 145.

** Ibid. — P. 117.

шуюся в результате компромисса между верхами буржуазии и землевладельческой аристократией. Монтескье хотел бы, чтобы буржуазные «свободы» осуществились не путем подавления высшего класса феодального общества, а путем соглашения с ним, с наименьшим для него ущербом. Теория Монтескье носит на себе отпечаток настроений дворянина, не желающего расстаться с привилегиями своего сословия. Но она отвечала также — при всей своей компромиссности — определенному моменту в развитии политических настроений французской буржуазии. Влияние «Духа законов» на развитие политического самосознания буржуазии было длительным и прочным.

Для определенного слоя буржуазии, тесно связанного своими частными экономическими интересами с монархией и дворянским землевладением, изображение политических порядков Англии в «Духе законов» сохранило значение политического идеала вплоть до времени революции. Доказательством этого являются такие проекты, как проект конституции, внесенный в Учредительное собрание Мунье¹². Но задачи, стоявшие перед буржуазией как классом, требовали иных решений. Теория разделения властей и их равновесия, как принципиальная основа системы конституционной монархии, была для большинства Учредительного собрания бесспорной политической догмой. Она была приведена весьма последовательно в конституции 1791 г. Однако и Учредительное собрание должно было отказаться от сохранения преимуществ дворянства, от верхней палаты и от абсолютного вето короля. Дальнейшее развитие революции сделало неизбежной решительную ломку всех традиционных форм, т. е. как раз тот метод государственного преобразования, который противоречил всем установкам теории Монтескье. Революция должна была пойти значительно дальше его умеренной конституционной программы.

роль в подготовке Декларации прав человека и гражданина. В 1790 г. эмигрировал, будучи разочарован ходом революционных событий, вернулся во Францию в 1804 г., назначен Наполеоном префектом Иль-э-Вилен, награжден орденом почетного легиона.

⁵ *Александр Ламет* (1760–1829) — участник войны за независимость Соединенных штатов, депутат Генеральный штатов 1789 г., вместе с Барнавом и Дюпором образовавший «триумvirат», выступавший за отмену сословных привилегий. Один из влиятельных членов якобинского клуба, затем — один из организаторов клуба фельянов. С 1792 г. — в эмиграции, вернулся во Францию в 1800 г., назначался префектом в Нижние Альпы, Рейн-и-Мозель, По. Награжден орденом почетного легиона, барон империи (1810).

Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962)

Советский историк; основные его исследования посвящены анализу социалистических и коммунистических учений до К. Маркса. Закончил историко-филологический факультет Московского университета (1908). Участник революционного движения. Сотрудник (1916–1917) журнала «Летопись», издававшегося М. Горьким. Редактор «Известий Московского Совета рабочих депутатов» (1917). Один из организаторов Социалистической (впоследствии — Коммунистической) академии, а также Института истории РАНИОН. Профессор МГУ по кафедре истории социализма (1919), в 1921–1925 гг. — ректор МГУ. Академик (1930), в 1942–1953 гг. — вице-президент АН СССР. Главные произведения: «Общественные теории XVIII в. во Франции» (1912), «Очерки по истории социализма» (1923), «История социалистических идей» (ч. 1–2, 1928–1931), «Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748–1789)» (1940), «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (1958), «Французский утопический коммунизм» (1960), «Сен-Симон и сенсимонизм» (3 изд., 1961).

В. П. Волгин Монтескье

Печатается по: Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 36–59.

¹ Один из высших судов Франции, создан в 1451 г.

² См. примеч. 19 к статье А. А. Никонова.

³ См. примеч. 37 к статье А. А. Никонова.

⁴ См. примеч. 19 к статье А. А. Никонова.

⁵ *A priori* (лат.) — знание, полученное до и вне опыта.

⁶ *Жан Боден* (1530–1596) — французский политический мыслитель, связывал государственный суверенитет с монархическим принципом.

⁷ См. выше примеч. 2 к статье Т. Б. Длугач.

⁸ См. выше примеч. 8 к статье Т. Б. Длугач.

⁹ *Жан Батист Дюбо* (1670–1742) — французский историк и философ. Главное произведение: «Критическая история установления французской монархии в Галлии» (1734). Согласно Дюбо, сословное разделение древней Франции не определялось франкским завоеванием. Происхождение сословных привилегий он связывал с узурпацией королевских прав и подчинением некогда свободных крестьян сеньорами.

¹⁰ *Рене Луи д'Аржансон* — см. примеч. 33 к статье А. А. Никонова.

¹¹ *Генри Сент-Джон Болингброк* — см. примеч. 31 к статье А. А. Никонова.

¹² *Жан Жозеф Мунье* — см. примеч. 4 к статье А. Н. Рахманиной.

Ю. Н. Троицкий Эстетические взгляды Монтескье

Печатается по: Троицкий, Ю. Н. Эстетические взгляды Монтескье // Вопросы философии. — 1955. — № 3. — С. 129–133.

¹ Полемика началась в 1749 г., когда Руссо написал свое «Рассуждение о науках и искусствах», главная мысль которого состояла в том, что они развращают нравы. Расхождения во взглядах усилились после публикации трактата Руссо «Рассуждение о происхождении неравенства» (1755).

² На русский язык этот трактат был переведен трижды: «Опыт о вкусе в делах естества и искусства» в переводе С. Башилова (1769); «Опыт о вкусе в произведениях природы и художеств, или Рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящных художеств, из сочинений г-на Монтескье» в переводе А. Воейковой (1805); «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» (Монтескье. Избранные произведения. — М., 1955).

³ См. примеч. 19 к статье А. А. Никонова.

⁴ То есть достоверного изображения действительности, а не реалистического метода в литературе.

⁵ *Трагедия «Гёц фон Берлихинген»* — первое значительное художественное произведение Гёте, в котором он придерживается эстетических принципов движения «Буря и натиск».

⁶ Предисловие к романтической драме «*Кромвель*» (1829) считается манифестом романтизма.